

Свердлов. т-р
оперы и балета
им.
Лунинского

Гастроли
по
стране

18/VIII-87

РСФСР
Свердловск

МОСКОВСКАЯ ПРАВДА
Г. Москва

ВТОРНИК,
18 АВГУСТА 1987 ГОДА

заметки критика

ПУШКИНСКИЙ ТРИПТИХ

Приезда на гастроли в Москву Свердловского театра оперы и балета с нетерпением ждали не одни только меломаны и завядлые театралы. Ведь не секрет, что сегодня, в период повального увлечения молодежи роком и пренебрежения серьезной музыкой, большинство оперных театров (не будем брать Москву и Ленинград) серьезно обеспокоены проблемой заполнения своих залов. А Свердловский оперный этим не страдает, и даже к спасительной системе абонементов не прибегает, и выездных спектаклей старается не играть, прекрасно отдавая себе отчет, что любой выезд — это неизбежная потеря в качестве спектакля, его художественного уровня. И при том театр еще стремится — и это тоже ему удается — строить свой репертуар не на расхожих, на слуху у каждого, названиях опер и балетов, а на произведениях, мало или совсем не идущих на других сценах: «Борис Годунов» М. Мусоргского в так называемой «авторской редакции», «Турандот» Дж. Пуччини, «Сказки Гофмана» Ж. Оффенбаха, «Двенадцать стульев» Г. Гладкова, «Пророк» — опера свердловского композитора В. Кобекина — пушкинский триптих, состоящий из «Интермедии о Дон Гуане» (по «Каменному гостю»), «Пира во время чумы» и «Гибели поэта» (на стихи Пушкина).

Что театр в целом оправдал ожидания зрителей, стало очевидно уже с первых спектаклей: толпа у входа все прибывала, «лишние билетки» спрашивали на самых дальних подступах к театру. И причиной тому было отнюдь не праздно любопытство.

Свердловский театр как бы заново открыл нам оперу как драматическое действие, вернул на оперную сцену всю сложность человеческих взаимоотношений, показал, что опера — не только прекрасная музыка и пение, которые можно слушать, закрыв глаза и откинувшись в кресле, а настоящий спектакль, способный увлечь и заставить сопереживать происходящему на сцене весь зрительный зал.

Как-то уж так повелось за последние десятилетия, что на оперной сцене — за редким исключением, — напрочь забыв завет великого К. С. Станиславского, исполнители перестали утруждать себя необходимостью создавать образ, ограничиваясь, в лучшем случае, элементами характерности. И постепенно оперные постановки из спектакля все больше превращались в помпезные статичные зрелища, демонстрирующие вокальные данные солистов.

У свердловчан каждый солист — это поющий актер или, если хотите, играющий певец, которого в равной степени интерес-

но и слышать, и видеть. Хотя справедливости ради надо признать, что некоторую дань статичной зрелищности театр тоже отдает — в «Турандот», например.

Самым же сильным, даже мощным впечатлением гастролей стал, бесспорно, «Борис Годунов» в постановке музыкального руководителя и дирижера Е. Бражника, режиссера А. Тителя, художника Э. Гейдебрехта, балетмейстера И. Сульзина и хормейстера В. Копанева. Называю специально всех «виновников» этой работы, ибо уже давно не только на оперной, но, пожалуй, и на драматической сцене не доводилось видеть спектакля столь гармоничного во всех своих художественных компонентах, столь значительного по мысли и по своему эмоциональному воздействию, поставленного с таким глубоким уважением как к музыке Мусоргского, так и к трагедии Пушкина. И несмотря на то, что спектакль длится более четырех часов, его внутренний драматизм и динамизм развития действия нарастают от картины к картине, от акта к акту. Здесь трудно даже выделить какие-то лучшие сцены: великолепно выстроены режиссерски сцена в корчме, весь «польский» акт, картина в Чудовом монастыре, монолог Бориса. И так же трудно назвать лучшего исполнителя — хороши все, от Бориса до Юродивого, от Пимена до хозяйки корчмы.

И что еще очень важно отметить — отличную дикцию всех без исключения певцов, как солистов, так и хор. Слышишь и понимаешь каждую фразу, каждое слово. А ведь это так важно, так дорого! У себя в Москве, увы, мы уже давно от этого отвыкли.

К сожалению, «Пророк», которого особенно ждали, оказался не столь целостным произведением, и только во второй своей части — «Пир во время чумы» поднялся до подлинно трагических высот. Но это — если сравнивать с «Годуновым», а «Годунов» стал действительно очень высокой вершиной.

В год памяти А. С. Пушкина Свердловский театр составил как бы еще один большой пушкинский триптих из спектаклей своего репертуара: «Борис Годунов», «Пророк», «Сказка о царе Салтане». Последний спектакль — озорной, веселый, в духе русского народного лубка. И в этом тоже проявилось серьезное, вдумчивое отношение молодого художественного руководства коллектива к своему театру, его репертуару, исполнителям, зрителям, к своему труду и к искусству в целом. Искусству, которое для свердловчан, судя по их спектаклям, пишется всегда с большой буквы.

Н. БАЛАШОВА.